

## Litera

*Правильная ссылка на статью:*

Сунь В. Отражение авторских религиозных взглядов в фантастических образах и народной демонологии в ранней прозе Н. В. Гоголя и новеллах Пу Сунлина: типологический аспект описания // Litera. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.73479 EDN: JRHHZQ URL: [https://nbpublish.com/library/read\\_article.php?id=73479](https://nbpublish.com/library/read_article.php?id=73479)

# Отражение авторских религиозных взглядов в фантастических образах и народной демонологии в ранней прозе Н. В. Гоголя и новеллах Пу Сунлина: типологический аспект описания

## Сунь Вэньцзюнь

ORCID: 0000-0003-1903-2224

аспирант; кафедра истории русской литературы; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

✉ sunventszyun@yandex.ru

### Статья из рубрики "Литературоведение"

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.2.73479

**EDN:**

JRHHZQ

**Дата направления статьи в редакцию:**

19-02-2025

**Дата публикации:**

26-02-2025

**Аннотация:** Данная статья посвящена типологическому анализу отражения авторских религиозных взглядов в фантастических образах и народной демонологии в ранней прозе русского писателя Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» и классическом произведении китайской словесности новеллиста Пу Сунлина «Рассказы Ляо Чая о необычайном». В статье основное внимание уделено моральным и религиозным исканиям обоих авторов, а также художественным функциям их религиозно-этических убеждений в раннем фантастическом цикле повестей Гоголя и сборнике рассказов Пу Сунлина. В ходе анализа выявлены общие черты и принципиальные различия в их художественных мирах, обусловленные культурными и религиозными традициями. В

исследовании представлен историко-теоретический обзор методологии типологического анализа литературных текстов, раскрывающий динамику развития понятия «типологической связи» в сравнительном литературоведении. Данный подход применяется для изучения влияния православных концепций на раннее творчество Н. В. Гоголя и буддийских и даосских идей на творчество Пу Сунлина. В статье делается вывод о том, что изучение отражения авторских религиозных взглядов в изображении фантастических образов и народной демонологии в ранней прозе Н. В. Гоголя и рассказах Пу Сунлина возможно в рамках типологического подхода. Религиозные воззрения рассматриваемых писателей сформировались под влиянием их семейного и социального окружения. В отличие от линейной православной модели дихотомии добра и зла у Гоголя, потусторонний мир у Пу Сунлина, вдохновленный даосской концепцией «бессмертия души» и буддийским «круговым» способом мышления о карме и реинкарнации, отличается амбивалентностью. Кроме того, религиозные концепции определяют различия в изображении инфернальных персонажей: у Гоголя они предстают как антагонисты и искусители, а у Пу Сунлина выполняют функции помощников и утешителей.

### **Ключевые слова:**

Фантастические образы, народная демонология, Н. В. Гоголь, Пу Сунлин, православие, буддизм, даосизм, типологический анализ, русская литература, китайская литература

### **Введение**

Исследование творчества классиков русской и китайской литературы Н. В. Гоголя (1809–1852) и Пу Сунлина (1640–1715) имеет давнюю традицию в российской и китайской науке. Изучение их творчества возможно через призму типологического анализа, учитывавшего их принадлежность к различным эпохам, религиям и культурам.

На основе анализа работ русских и зарубежных исследователей в области типологического изучения литературы можно проследить динамику интерпретации типологических связей в науке. Классический подход, сформированный в рамках позитивизма, предполагал изучение текстов, объединенных общими или схожими историческими условиями (А. Н. Веселовский [2], Х. М. Позннетт [15] и др.). Однако с середины XX века, в период кризиса идентичности компаративистики, акцент сместился с исключительно генетических связей на установление типологических сближений (И. О. Шайтанов [13], Р. Уэллек [16] и т. д.). В новейшее время утвердилось представление о познавательной активности исследователя, который, опираясь на логику, эрудицию и методологическую строгость, способен осуществлять рациональное и научно обоснованное сопоставление текстов, принадлежащих к различным культурным традициям (Э. Ауэрбах [1], Д. Дэмрощ [14] и т. п.). Современный подход позволяет сделать вывод о том, что анализ типологических связей выходит за рамки социального контекста и включает в себя глубокое изучение поэтики отдельных авторов, расширяя горизонты интерпретации и понимания литературных явлений.

Гоголь и Пу Сунлин в своем творчестве активно использовали фольклорные и литературные материалы, были увлечены фантастикой и народной демонологией, что дает основание для типологического анализа их произведений. Схожие литературные герои (демоны, призраки, бесы в человеческом облике) и сюжеты (приключение главного протагониста в потустороннем мире в ночное время), отражающие

нравственные и религиозные искания авторов, придают уникальность и своеобразие каждому из писателей.

## Основная часть

### Истоки религиозных взглядов Пу Сунлина и Н. В. Гоголя

Пу Сунлин и Н. В. Гоголь создавали свои произведения, используя яркие фантастические сюжеты с дьявольскими персонажами. Однако анализ новелл Пу Сунлина и ранних рассказов Н. В. Гоголя позволяет отметить разные подходы китайского и русского писателя к решению конфликта между добром и злом.

В середине 1820-х годов с возрастающим интересом к фантастике, мистике, готике, а также к элементам страшного и завораживающего в русской прозе появляется необычный жанр, получивший название «фантастическая повесть» [9: 5-47]. Н. В. Гоголь в первые годы творчества был увлечён романтической демонологией, особенно это отражается в его книге «Вечера на хуторе близ Диканьки», где писатель опирается на христианскую модель «линейного» мышления с началом и концом (спасение души в раю или ее сошествие в ад), чтобы создать разные художественные миры, в которых гармонично сочетаются реальность и иреальность, хотя судьбы главных героев не всегда вписываются в данную концепцию. Отметим, что в дальнейшей творческой жизни писатель переходит от открытой и яркой демонологии, воплощенной в мистических и фантастических образах, к скрытой и подтекстовой. Такая эволюция явно ощущима в «Мертвых душах». В его произведениях присутствует вечная борьба добра и зла, в которой хорошо представлены Божественная благодать, Божье спасение души и Страшный суд.

Создание произведения «Рассказы Ляо Чжая» тесно связано с религиозными установками Пу Сунлина. В своем творчестве китайский писатель заимствует концепцию «бессмертия души» из даосизма и «круговой» способ мышления о концепции «карма и реинкарнация» из буддизма. Наделяя дьявола человеческим обликом, он совмещает фантастику и действительность, разграничивая при этом царство людей и призраков. Пу Сунлин критикует тьму в реальном обществе и формирует идеальный утопический мир в своем воображении.

Истоки формирования его религиозных взглядов многоаспектны и включают как семейные факторы, так и социально-исторические. Семейная история Пу Сунлина такова: автор в предисловии к новеллам рассказывает, что однажды его отец увидел во сне, как в дом вошел больной и худой монах с обнаженным правым плечом. К его правой груди прилип кусочек мази размером с медную монету. Отец проснулся, и в тот самый момент родился будущий писатель, а на его груди была черная родинка. Отец решает, что сын – реинкарнация того самого монаха-аскета [См. 11: 15-16]. Исторические предпосылки обусловлены тем, что писатель эпохи династии Цин существовал в условиях строго регламентированной чиновничьей системы феодального Китая, которая поощряла рациональное восприятие действительности, одновременно взаимодействуя с традиционными китайскими религиозно-философскими представлениями. В данной среде широко распространились верования в магов и шаманов, способных влиять на души и живущих, и мертвцев; вера в бессмертных святых и таинственные обители, в которых они искали уединения в этом мире.

В записках «Ляо Чжая» содержится обширный корпус фольклорных и волшебных историй, где отчетливо просматривается влияние буддийской и даосской философии и народных суеверий (почти две трети рассказов посвящены этой тематике). Отношение Пу

Сунлина к религии и народным верованиям очень полемическое. С одной стороны, писатель изображает целую галерею персонажей-монахов, но в некоторых его рассказах из «Ляо Чжая» эти герои не имеют ничего общего с высокими качествами, такими как праведность и святость. Он иронически относится к божествам из любого пантеона (буддийского, конфуцианского или даосского), потому что они больше похожи на обирав и азартных игроков. Их волшебство из загробного мира – лишь способ помогать земным людям предсказывать будущее или продвигаться по карьерной лестнице, получая официальные должности. Убедительными примерами вышесказанного являются рассказы «Колдовство хэшана» («僧术») и «Дракон дразнит паука» («龙戏蛛»). В первом случае студент может использовать сверхъестественную силу монаха, чтобы купить себе должность; а во втором в постскриптуре к этому рассказу есть такие слова: «Не слишком ли бестолков небесный владыка! За что такой хороший чиновник, честный и любящий народ, подвергается такой трагической катастрофе» [17: 1957]. С другой стороны, Пу Сунлин в конце рассказов постоянно цитирует слова именитых монахов, которые служат для просвещения народа. Например, в послесловии к новелле «Расписная стена» («画壁») он пишет: «“Чудесное рождается от самих же людей!” В этих словах, пожалуй, есть глубочайшая правда. <...> Буддийской мудростью окрепло сердце старого монаха» [10: 143]. Можно сделать вывод, что господин Ляо Чжай более убежден в том, что люди создают свое впечатление о богах, исходя из собственного характера, поэтому боги глупца и философа будут выглядеть по-разному. Автор выражает свое глубокое желание видеть на земле, а не в небесном царстве честных и порядочных людей. Насмешки Пу Сунлина несколько подрывают веру в культ святых и подземную жизнь, опровергая суеверия о богах, но не критикуя саму идею бога.

На формирование духовного мировоззрения Н. В. Гоголя также значительно повлияли семейные традиции. Как пишет В. А. Воропаев, «среди предков Гоголя были люди духовного звания: прадед его по отцовской линии был священником, дед закончил Киевскую Духовную академию, а отец – Полтавскую семинарию. <...> Семейные предания определили первые понятия и верования Гоголя. <...> Мария Ивановна отличалась набожностью» [6: 9–11]. Хотя по словам самого писателя, его духовные чувства возникли не из искренней любви к Богу или жажды истины, а, скорее, из стихийного страха перед смертью, идеи возмездия и Страшного Суда. Со временем писатель установил «близкие» отношения с Богом и постоянно молился. В письме к матери Гоголь писал: «Старайтесь лучше видеть во мне христианина и человека, чем литератора» [6: 415]. Социально-литературный контекст деятельности Гоголя также выглядит иначе: его мотивы обращаются к жанровой фантастике, к фольклорной демонологии, что во многом определялось литературной ситуацией того времени: романтическим историзмом, интересом к народной культуре и поэзии, национальному характеру, языку, который в России 1820–1830-х годов был связан с распространением немецкого романтизма. Малороссийские мотивы часто встречаются в творчестве русских писателей (В. Т. Нарежного, К. Ф. Рылеева, О. М. Сомова). Произведения раннего Н. В. Гоголя (в том числе «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород») отмечены глубоким влиянием фольклора и создавались на фоне романтического увлечения начинающим писателем национальной экзотикой. В своем первом цикле повестей Гоголь объединяет фольклорное, навеянное малороссийскими сказками с их дуализмом и борьбой Бога и дьявола, и литературное (в частности, немецкую романтическую демонологию Л. Тика и Э. Т. А. Гофмана), стремясь к стилистическому единству.

### Специфика авторского религиозного мышления

в «Рассказах...» Пу Сунлина и «Вечерах...» Н. В. Гоголя

В ляочжаевских рассказах прослеживается круговая модель мышления, восходящая к архаическому символу «Мандала» («круг», «кольцо») [12: 332–333], который по теории В. Н. Топорова, является ключевым сакральным элементом буддийской мифологии. Этот символ, возникший в Индии, был усвоен буддизмом и распространился в культурах Тибета, Центральной Азии, Монголии, Китая и Японии начиная с первых веков нашей эры. Этот символический образ также переплетается с понятиями «трех перерождений», «кармы» и других аспектов буддийской космологии, отражая мудрость и глубину древних духовных учений. Например, в рассказе «Тroe бессмертных» («三生») изображена история конфликта между экзаменатором из провинции Хунань и студентом Син Ю Таном, чья вражда, обусловленная экзаменационным провалом, переходит через три перевоплощения. В первой жизни студент Син, не сдав экзамен из-за некомпетентности экзаменатора, умирает от отчаяния; во второй жизни экзаменатор, переродившись в крестьянином, казнен по решению суда, где судьей выступает студент Син. После жалоб на несправедливость оба перерождаются собаками, убивая друг друга в схватке. В третьей жизни, став тестем и зятем по воле Владыки подземного мира, они примиряются, когда тесть помогает зятю стать чиновником, что символизирует разрешение кармического конфликта. Таким образом, под пером Пу Сунлина души главных героев обладают бессмертием и проходят через циклы перевоплощений. Если первые два уровня фантастического мира, созданного автором, наполнены критикой социальной несправедливости и пороков реальности, то третий мир воплощает идеальную гармонию, представляя собой утопическое пространство, где разрешаются все противоречия и достигается высшая справедливость.

В начале XX века проблематика православного миросозерцания в раннем творчестве Гоголя стала предметом серьезного изучения, а в современном гоголеведении духовно-нравственные аспекты его произведений продолжают активно исследоваться такими учеными, как И. А. Виноградов [3], В. А. Воропаев [4], С. А. Гончаров [7] и В. Ш. Кривонос [8]. Изучение религиозного мировоззрения Гоголя отражает эволюцию подходов, демонстрируя значимость христианской культуры на всех этапах его литературного пути. Если ранее христианская идеология рассматривалась преимущественно в контексте позднего периода творчества, особенно в связи с произведением «Выбранные места из переписки с друзьями», где религиозная проблематика выражена наиболее явно, то в последние годы исследователи всё чаще обращают внимание на значимость церковной культуры уже в ранних произведениях Гоголя 1830-х годов. Как отмечает С. А. Гончаров, «христианская культура стала рассматриваться как необходимый контекст не только для позднего, но и для зрелого и даже раннего творчества писателя, что существенно изменило представления о динамике его творческого развития» [7: 4]. Аналогичную точку зрения поддерживает И. А. Виноградов, подчеркивая, что «понимание ранней гоголевской прозы невозможно без учета последующего духовного и творческого пути писателя» [3: 10–11]. Кроме того, как указывает В. А. Воропаев, «в ранних произведениях Гоголя отчетливо прослеживается вечное противостояние добра и зла, что придает этим текстам глубокий религиозный подтекст. Эти произведения, несмотря на их фольклорную и юмористическую основу, представляют собой своеобразные религиозные поучения, где добро неизменно побеждает зло, а грешники получают заслуженное наказание» [4: 28–29].

Анализ художественной функции фантастики и славянской демонологии в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» позволяет выявить уникальный «линейный» способ мышления Гоголя, сформированный под влиянием библейского мировоззрения, что контрастирует с «круговой» моделью мышления Пу Сунлина, обусловленной буддийскими и даосскими

концепциями. В соответствии с библейской традицией Гоголь изображает вселенную как линейный процесс, начинающийся с сотворения мира и завершающийся Страшным судом, где каждая душа предстает перед судом (Евр. 9:27). Почти каждая повесть, вошедшая в «Вечера ...», затрагивает тему борьбы света и тьмы, невидимой войны между Богом и дьяволом за души людей. Например, в повести «Ночь перед Рождеством» обнаруживаются параллели с библейскими мотивами, такими как мотив возмездия за грехи, мотив апокалипсиса, мотив спасения человеческой души и др. Во-первых, действие разворачивается во время сакрального праздника Рождества Христова с теплыми рождественскими колядками. Для нечистой силы уже «последняя ночь осталась шататься по белому свету и выучивать грехам добрых людей. Завтра же, с первыми колоколами к заутрене, побежит он без оглядки, поджавши хвост, в свою берлогу» [5: 150]. В линейном узоре от начала до конца прослеживается духовная дилемма между противоборствующими силами – «древнем змеем» (Отк. 20:2) – сатаной и «потомком женщины» (Быт. 3:15) – Иисусом Христом. Набожный кузнец Вакула может противостоять темной силе именно с помощью молитвы и написания иконы. В «Страшной мести» линейная модель представлена через изображение смерти казаков Ивана и Петра, а также их божественное осуждение, в то время как нераскаявшиеся грешники подвергаются изгнанию из Царства Небесного: «Как умер Петро, призвал Бог души обоих братьев, Петра и Ивана, на суд. «Великой есть грешник сей человек!» – сказал Бог. <...> «Сделай же, Боже, так, чтобы все потомство его не имело на земле счастья! чтобы последний в роде был такой злодей, какого еще и не бывало на свете!» <...> «Страшна казнь, тобою выдуманная, человече! – сказал Бог. – Пусть будет все так, как ты сказал, но и ты сиди вечно там на коне своем, и не будет тебе царствия небесного» [5: 216]. Кроме того, линейная модель проявляется через божественное возмездие за грехи, где нераскаявшиеся грешники, такие как колдун, обречены на вечное проклятие, что подчеркивает идею окончательности суда и невозможности спасения вне Божьей милости. Таким образом, Гоголь через библейские мотивы возмездия, апокалипсиса и спасения раскрывает духовную дилемму, характерную для христианского мировоззрения.

### **Особенности взаимодействия героев реальных и ирреальных в произведениях Н. В. Гоголя и Пу Сунлина**

Различные религиозные модели мышления существенно влияют на характер взаимодействия главных героев с демоническими образами. Если в гоголевской Диканьке, потусторонние существа обычно выступают в роли искусителей и антагонистов, противостоящих человеку, то в произведениях китайского писателя они зачастую выполняют функции помощников и утешителей, что отражает принципиально иное восприятие сверхъестественного, характерное для буддийских и даосских традиций. Например, в повести «Вечер накануне Ивана Купала» дьявол-искуситель, воплощенный в «человеческом образе» [5: 101] Басаврюка, олицетворяет темные силы, противостоящие божественному порядку. Он искушает главного героя Петруся на совершение тяжкого греха – убийство невинного Ивася, младшего брата его возлюбленной Пидорки. В данном случае демонический персонаж выступает как активный участник духовного противостояния, используя человеческие слабости и страсти, чтобы привести главного героя к моральному падению и гибели. Напротив, образ лисиц становится центром системы персонажей многих историй «Ляо Чжая». Например, в рассказе «Студент Го и его учитель» («郭生») повествуется о студенте по фамилии Го, который встречает своего учителя в образе лисицы-призрака. Лисица оказывала студенту Го помощь в редактировании его статей, пока он спал ночью.

Благодаря этому его навыки письма постепенно совершенствовались. Этот эпизод иллюстрирует, что сверхъестественные существа в произведениях Пу Сунлина часто выступают в роли помощников, способствующих интеллектуальному и духовному росту человека.

### **Заключение**

Таким образом, изучение отражения религиозных взглядов Н. В. Гоголя и Пу Сунлина в изображении фантастических образов и народной демонологии в ранней прозе великого русского писателя и рассказах выдающегося китайского новеллиста возможно в рамках типологического подхода. Пу Сунлин принимает из даосизма идею «бессмертия души» и понятия «кармы и реинкарнации» из буддизма («круговое» мышление), наделяет дьявола человеческим обликом, совмещает фантастику и реальность, разграничивая царство людей и призраков, бичует пороки общества и строит утопический мир в своих текстах. Гоголь же, опираясь на христианскую модель эсхатологического «линейного» мышления, создает художественные миры, в которых гармонично сочетается реальное и фантастическое. Судьба его героев отражает вечную борьбу добра и зла, которая ведет к Страшному суду, спасению или гибели души.

### **Библиография**

1. Ауэрбах Э. Филология мировой литературы // Вопросы литературы. 2004. № 5. С. 123–139.
2. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л.: Худож. лит., 1940. 649 с.
3. Виноградов И. А. Гоголь художник и мыслитель: Христианские основы миросозерцания. М.: Наследие, 2000. 450 с.
4. Воропаев В. А. Николай Гоголь: Опыт духовной биографии. 2-е изд. М.: Паломник, 2014. 336 с.
5. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т.1. М.: Наука, ИМЛИ РАН, 2003. 922 с.
6. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Т. 12. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2009. 698 с.
7. Гончаров С. А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1997. 340 с.
8. Кривонос В. Ш. Мотивы художественной прозы Гоголя. СПб.: ЕГПИ, 1999. 251 с.
9. Маркович В. М. Дыхание фантазии // Русская фантастическая проза эпохи романтизма (1820–1840 гг.): Сб. произведений. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1991. С. 5–47.
10. Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжая о необычайном. М.: Худож. лит., 1988. 559 с.
11. Пу Сунлин. Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай Чжи И). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. 784 с.
12. Топоров В. Н. Мандала // Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 332–333.
13. Шайтанов И. О. Зачем сравнивать? Компаративистика и / или поэтика // Филологическая регионалистика. 2009. № 1–2. С. 99–107.
14. Damrosch D. Comparing the Literatures: Literary Studies in a Global Age. Princeton: Princeton University Press, 2020. 392 p. (На англ. яз.).
15. Posnett H. M. Comparative Literature. London: Kegan Paul, Trench, & Co., 1886. 472 p. (На англ. яз.).
16. Wellek R. The Concepts of Criticism. New Haven; London: Yale University Press, 1976. 402 p. (На англ. яз.).
17. 蒲松龄. 聊斋志异 / 刘天池注. 孙海通, 刘天池译 (一至四). 北京, 中华书局. 2015. [Пу Сунлин. Ляо Чжай Чжи И / Комментарии Лю Тяньчи, перевод Сунь Хайтуна и Лю Тяньчи). Пекин:

Чжунхуа шуцзюй, 2015. Т. 1–4.] (На кит. яз.).

## Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена типологическому анализу ранней прозы Н. В. Гоголя и новелл Пу Сунлина с точки зрения отражения авторских религиозных взглядов в фантастических образах и народной демонологии. Отмечается, что «Гоголь и Пу Сунлин в своем творчестве активно использовали фольклорные и литературные материалы, были увлечены фантастикой и народной демонологией, что дает основание для типологического анализа их произведений». Актуальность работы обусловлена интересом исследователей к творчеству классиков русской и китайской литературы Н. В. Гоголя (1809–1852) и Пу Сунлина (1640–1715), принимая во внимание, что «схожие литературные герои (демоны, призраки, бесы в человеческом облике) и сюжеты (приключение главного protagonista в потустороннем мире в ночное время), отражающие нравственные и религиозные искания авторов, придают уникальность и своеобразие каждому из писателей».

Теоретической основой представленного исследования обоснованно выступили труды по исторической поэтике, проблемам компаративистики, по творчеству Гоголя (в том числе в религиозно-мистическом контексте) таких отечественных и зарубежных ученых, как Э. Ауэрбах, А. Н. Веселовский, И. А. Виноградов, В. А. Воропаев, С. А. Гончаров, В. Ш Кривонос, И. О. Шайтанов, D. Damrosch, H. M. Posnett, R. Wellek. Библиография включает 17 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Однако необходимо отметить, что автор(ы) совсем не апеллируют к актуальным научным работам, изданным в последние 3 года, что не позволяет судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе. Также автору(ам) следует изучить требования редакции в части оформления ссылок на библиографический список («ссылки приводятся в квадратных скобках в тексте и оформляются по следующему образцу: [4, с. 121]»).

Методология исследования определена поставленной целью и задачами, носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза; общелингвистические методы наблюдения и описания, методы дискурсивного и когнитивного анализа, а также сравнительно-типологический анализ, который позволяет обнаружить общность явлений, которые типологически сходны, но не родственны; их сходство возникло в результате совпадения ряда условий («Пу Сунлин и Н. В. Гоголь создавали свои произведения, используя яркие фантастические сюжеты с дьявольскими персонажами. Однако анализ новелл Пу Сунлина и ранних рассказов Н. В. Гоголя позволяет отметить разные подходы китайского и русского писателя к решению конфликта между добром и злом»).

В ходе исследования подробно анализируются истоки религиозных взглядов Пу Сунлина и Н. В. Гоголя, специфика авторского религиозного мышления и особенности взаимодействия реальных и ирреальных героев в произведениях Н. В. Гоголя и Пу Сунлина. В рамках типологического подхода установлено, что «Пу Сунлин принимает из даосизма идею «бессмертия души» и понятия «кармы и реинкарнации» из буддизма, наделяет дьявола человеческим обликом, совмещает фантастику и реальность, разграничивая царство людей и призраков, бичует пороки общества и строит

утопический мир в своих текстах. Гоголь же, опираясь на христианскую модель эсхатологического «линейного» мышления, создает художественные миры, в которых гармонично сочетается реальное и фантастическое. Судьба его героев отражает вечную борьбу добра и зла, которая ведет к Страшному суду, спасению или гибели души».

Теоретическая значимость исследования определяется его вкладом в изучение творчества Н. В. Гоголя и Пу Сунлина посредством сравнительно-типологического анализа, учитывавшего их принадлежность к различным эпохам, религиям и культурам. Практическая значимость работы состоит в возможности использовать ее результаты в курсах по общей теории литературы, по русской и китайской литературе и др.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание рукописи соответствует названию. Все замечания носят рекомендательный характер. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».